

Оригинал здесь: <http://lib.aldebaran.ru>

I

Майское солнце разливало вечерние лучи свои по сводам в кирпичному полу семинарского здания в Ч...ве, а в некоторых углах его уже заметно начинало стемнеться. Все здание было наполнено каким-то странным жужжанием. Не понять, откуда оно выходит: оно как будто ползет и лезет *из* каждой трещины, из каждого отверстия стен и пола коридоров. Эти странные звуки означают, что ч...ские семинаристы сидят за партами и снабжают свои головы познаниями всякого рода и сорта. Ничего не слышно, кроме жужжания; разве только изредка вскрикнет какой-нибудь семинарист - не охотник до долбни и сидячей жизни, да изредка покажется дежурный на длинном коридоре; его шаги звонко раздаются по гладкому кирпичному полу и, раскатившись под сводами, опять замирают мало-помалу; опять глухое, невнятное жужжанье охватывает все *слои семинарской атмосферы*.

Но вот в углу коридора, в богословской занятой шум превращается в говор; говор становится сильнее и крепче; начинают прорываться какие-то вскрикивания, и вдруг это кресцендо стремительно возрастает до самого страшного фортиссимо. Что же встревожило или обрадовало ч...ю богословию? Философ ли возмутился, и ему объявляется месть и гонение? Не презренный ли словарь - исчадие мелкой бурсы - оказал словом или делом непочтение аристократу семинарии, и богослов в гнев своем хочет раздавить его, как ничтожнейшую тварь? Или мало дали каши за обедом и еще меньше посулили за ужином, и вот оголодавший богослов идет войной на буфет и поварню? Или товарищ попался за железные двери ч...го карцера, и друзья идут громить их своими кулаками? Нет, не то; философ покорен им; словарь ходит по струнке; каши поели они досыта, и карцер свободен от постоя. Вот прислушайтесь к кликам, и вы узнаете, что богословия не бунтуется, а только веселится - торжествует богословия, и торжествует не именины товарища, не кулачную победу в бою с купцами - нет, все не то. Слушайте клики: "Ура, ребята! кути!.. На печку книги!.. Эй, Махилов, четверть сюда!.. Рекреация, ребята!" Так вот что обрадовало семинарию! Для нее настала рекреация со своим трехнедельным досугом, со своими песнями, весельем и попойками, Благодатная весть быстро обошла вместе с дежурным все классы - и вмиг, будто по одному темпу, все завывало и застонало во всех углах словесности и философии. Теперь на коридоре уже не жужжанье, а как будто стены и своды рушатся друг на друга: так громогласно радуются питомцы бурсы, а этих питомцев в ней до 900 человек.

Заглянемте в какой-нибудь класс. Пойдем, в богословию, в другие классы неприлично итти нам. Вот огромная комната, в которой помещается высшее отделение.

Тридцать парт, [*] кафедра, вешалка и на ней богословский гардероб, да ведро воды у дверей - составляют всю мебель класса. В комнате плавает дым махорчатого табаку и слышится запах угара... Но посмотрите, что за молодцы семинаристы. Это не то, что петербургский семинарист, которому не съесть каши более полумиски и не выпить пенного более полуштофа. Вот, например, Махилов. Посмотрите, как лихо отхватывает он трепака среди обступивших его товарищей, с поднятой вверх бутылью, в которой плещется, звенит и играет за зеленым стеклом русское пенное. Молодец! Плеча широкие, рост в сажень, и притом красавец, каких мало. Он первый силач семинарский, и многие ч...ие купцы и мещане, бока которых ознакомились с его кулаками, пугают детей своих именем Максима Созонтовича Махилова. Богословы любят на своего товарища-богатыря; они дымят длинными чубуками и частыми вскрикиваниями одобряют и поджигают плясуна.

[*] - В Ч...ой семинарии класс и занятная - одна и та же комната.

- Живо, ребята! - крикнул Махилов своим здоровым басом.

- Нахаживай! - подхватил Третинский - друг Махилова и силач не из последних, - и Максим